

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-8-29-36

Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.

ТАРНОВСКИЙ Александр Владимирович,
аспирант кафедры уголовного права ФГБОУ ВО
«Юго-Западный государственный университет»,
e-mail: ccrupt@mail.ru

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, ПОСЯГАЮЩИМ НА ОБЪЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ, КАК НАПРАВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. Предметом настоящей статьи являются уголовно-правовые и криминологические основания противодействия преступлениям, посягающим на объекты культурного наследия, рассматриваемые в качестве самостоятельного направления российской уголовной политики. Исследованию подвергнуты нормы Уголовного кодекса Российской Федерации, устанавливающие ответственность за уничтожение, повреждение, хищение культурных ценностей, их незаконный оборот и трансграничное перемещение, а также деяния, сопряжённые с фальсификацией охранной документации и манипулированием правовым статусом охраняемых объектов. Проанализированы проблемы правоприменительной практики, обусловленные рассогласованностью уголовно-правовых запретов с административно-регистрационными процедурами, конкуренцией смежных составов преступлений и доказательственными затруднениями при установлении причинной связи и вины в условиях многоактности и полисубъектности посягательств.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический метод, применённый при анализе диспозиций и санкций уголовно-правовых норм; системно-структурный метод, использованный для классификации видов посягательств на объекты культурного наследия по характеру причиняемого вреда; сравнительно-правовой метод при соотнесении материально-правовых и регуляторных режимов охраны; криминологический метод при оценке латентности, структуры и детерминант преступности в рассматриваемой сфере.

Научная новизна состоит в разработке авторской четырёхзвенной классификации преступных посягательств на культурное наследие, охватывающей весь жизненный цикл охраняемого объекта — от стадии выявления до реставрации и гражданского оборота. Выявлены структурные дефекты правового регулирования, порождающие квалификационные «серые зоны» вследствие неполноты учётно-регистрационных процедур. Обоснована необходимость перехода от модели постфактум-реагирования к превентивной модели уголовно-правовой охраны, предполагающей транспарентность государственных реестров, дифференциацию санкций по степени общественной опасности и восстановление повреждённого объекта как конечную цель уголовного преследования. Сформулированы предложения по укреплению межведомственной координации между органами государственной охраны культурного наследия, правоохранительными структурами и институтами гражданского общества, а также по институциональному закреплению виктимологической профилактики в отношении объектов с повышенной уязвимостью.

Ключевые слова: уголовная политика; объекты культурного наследия; культурные ценности; квалификация преступлений; хищение предметов, имеющих особую ценность; незаконный оборот культурных ценностей; межведомственное взаимодействие; латентность преступлений; охранный статус; превентивная модель охраны; дифференциация уголовной ответственности; виктимологическая профилактика.

TARNOVSKY Alexander Vladimirovich,
graduate student of the Department of Criminal Law of the
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Southwestern State University"

COUNTERING CRIMES THAT ENCROACH ON CULTURAL HERITAGE SITES AS PART OF RUSSIAN CRIMINAL POLICY

Annotation. The subject of this article is the criminal law and criminological grounds for countering crimes that encroach on objects of cultural heritage, considered as an independent

direction of Russian criminal policy. The study was subjected to the norms of the Criminal Code of the Russian Federation, establishing responsibility for the destruction, damage, theft of cultural property, their illegal circulation and transboundary movement, as well as acts involving falsification of security documentation and manipulation of the legal status of protected objects. The problems of law enforcement practice caused by the inconsistency of criminal law prohibitions with administrative registration procedures, competition of related corpus delicti and evidentiary difficulties in establishing causation and guilt in conditions of multi-act and multi-entity encroachments were analyzed.

The methodological basis of the study was the formal legal method used in the analysis of dispositions and sanctions of criminal law; the system-structural method used to classify the types of encroachments on cultural heritage objects by the nature of the harm caused; comparative legal method when correlating material legal and regulatory protection regimes; criminological method in assessing latency, structure and determinants of crime in the area under consideration.

Scientific novelty consists in the development of the author's four-link classification of criminal encroachments on cultural heritage, covering the entire life cycle of a protected object - from the stage of detection to restoration and civil circulation. Structural defects of legal regulation were revealed, giving rise to qualification "gray areas" due to incomplete accounting and registration procedures. The need for a transition from an after-the-fact response model to a preventive model of criminal law protection, which presupposes transparency of state registers, differentiation of sanctions according to the degree of public danger and restoration of a damaged object as the ultimate goal of criminal prosecution, is justified. Proposals have been formulated to strengthen interdepartmental coordination between state bodies for the protection of cultural heritage, law enforcement agencies and civil society institutions, as well as to institutionalize victimological prevention in relation to objects with increased vulnerability.

Key words: criminal policy; cultural heritage sites; cultural values; qualification of crimes; theft of items of special value; illicit trafficking in cultural property; interagency interaction; crime latency; security status; preventive security model; differentiation of criminal liability; victimological prevention.

В доктрине уголовного права Российской Федерации преступления, объектом которых выступают культурные ценности и объекты культурного наследия (далее — ОКН), образуют гетерогенную совокупность составов, объединённых единым родовым объектом уголовно-правовой охраны. Указанный объект включает как материальный субстрат культурного достояния (вещественные носители историко-культурной информации), так и корреспондирующую систему общественных отношений, складывающихся в сферах государственного учёта, консервации, правомерного гражданского оборота и обеспечения публичного доступа к культурным благам [1, с. 48]. Принятие такой исследовательской оптики имеет методологическое значение: оно исключает редукцию анализируемой проблематики к узкому кругу «преступлений против памятников» и позволяет установить, что криминогенные факторы распределены по всему жизненному циклу ОКН — от первичного выявления и присвоения правового статуса до режимов хранения, трансграничного перемещения и проведения реставрационных работ [2, с. 364].

Первую классификационную группу составляют преступления, результатом совершения которых является полная либо частичная утрата историко-культурных свойств объекта или существенное ограничение возможности его дальней-

шей эксплуатации в культурно-просветительских целях. С позиций криминологической оценки причинённого вреда необходимо констатировать, что ущерб в подобных случаях, как правило, обладает свойством необратимости: физическая реконструкция утраченных элементов не тождественна восстановлению аутентичных материалов, авторских технологических приёмов и историко-средового контекста памятника [3, с. 147].

В объективную сторону рассматриваемых посягательств входят, в частности, производство строительных, ремонтных и перепланировочных работ с нарушением охранных обязательств, акты вандализма, а равно умышленное разрушение объекта. Для целей квалификации определяющее значение приобретает надлежащее установление предмета преступления. Действующее законодательство распространяет охранительный режим как на объекты, включённые в Единый государственный реестр объектов культурного наследия, так и на выявленные ОКН, правовой статус которых возникает с момента принятия уполномоченным органом решения о включении в соответствующий перечень. Данное нормативное решение преследует превентивную цель: распространение уголовно-правовой защиты на объекты, находящиеся на стадии идентификации, призвано минимизировать стимулы к их упреждающему уничтожению заинтересованными лицами до заверше-

ния процедуры постановки на государственную охрану.

Вторую устойчивую группу образуют корыстные преступления, направленные на противоправное безвозмездное обращение в свою пользу или в пользу третьих лиц предметов, обладающих культурной, а в ряде случаев — особой историко-художественной или научной ценностью [4, с. 102].

Криминологическая специфика данных посягательств проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, хищениям культурных ценностей свойственна повышенная латентность, обусловленная тем, что факт выбытия предмета из фондов или экспозиции может оставаться неустановленным на протяжении значительного периода ввиду несовершенства учётных процедур [5, с. 61]. Во-вторых, существенные трудности для уголовного преследования создаёт необходимость доказывания индивидуально-определённых признаков похищенного предмета, его уникальности и провенанса (истории бытования и происхождения) [6, с. 34].

Отдельного криминологического внимания заслуживают ситуации, при которых субъектом хищения выступает лицо, наделённое правом доступом к культурным ценностям, — сотрудник учреждения культуры, подрядчик реставрационных работ, экспертный специалист. Наличие легитимного основания для контакта с предметом существенно снижает трансакционные издержки преступника и одновременно ослабляет эффективность внутриорганизационных контрольных механизмов. Отсюда следует, что противоправное изъятие культурных ценностей методологически корректно рассматривать не только через призму классических форм хищения (ст. 164 УК РФ), но и как индикатор системной уязвимости режимов фондового хранения, инвентаризационного учёта и внутренней безопасности учреждений культуры.

Третий классификационный блок охватывает деяния, связанные с контрабандным перемещением культурных ценностей через таможенную границу, их незаконным вывозом и транзитом, фальсификацией документов о происхождении в целях легализации похищенного, а также с невозвращением на территорию Российской Федерации культурных ценностей, временно вывезенных на законных основаниях (ст. 190 УК РФ) [7, с. 16].

Общественная опасность указанных деяний имеет бинарную природу. С одной стороны, их совершение влечёт утрату суверенного контроля государства над предметами, составляющими национальное культурное достояние. С другой стороны, подрывается институциональное доверие к легальному арт-рынку и к международным механизмам выставочного обмена. В специальной

литературе отмечается, что в структуре рассматриваемых преступлений наибольший удельный вес занимают хищения предметов, обладающих особой ценностью, и невозвращение культурных ценностей из-за рубежа. Указанная криминологическая закономерность обосновывает практическую рекомендацию о концентрации превентивных усилий именно на этапах трансграничного перемещения и контроля возврата, что предполагает координацию уголовно-правовых, таможенных и экспертно-оценочных инструментов.

Четвёртую группу составляют деяния, внешне тяготеющие к административно-правовой сфере, однако обладающие выраженной криминальной направленностью ввиду целенаправленного обхода публично-правовых ограничений, установленных в отношении ОКН. В объективную сторону таких посягательств входят: фальсификация актов технического состояния объекта, подмена подлинных предметов копиями или иными объектами, заключение фиктивных договоров хранения и реставрации, а также манипулирование административным статусом ОКН (в том числе инициирование процедур исключения объекта из охранных перечней при отсутствии законных оснований).

Причиняемый вред в данном случае носит опосредованный характер: непосредственного физического разрушения может не происходить, однако целенаправленно формируются юридические и фактические предпосылки для последующего отчуждения объекта, его перепрофилирования, несанкционированной перестройки либо «растворения» в нерегулируемом имущественном обороте. Тем самым подрывается сама институциональная основа государственной охраны культурного наследия.

Приведённая классификация основных видов преступных посягательств на культурное наследие свидетельствует о необходимости построения комплексной модели уголовно-правовой охраны, обеспечивающей защиту подлинности и физической целостности объектов, гарантирующей прослеживаемость провенанса и правомерность оборота культурных ценностей, а равно учитывающей повышенную уязвимость объектов на ранних стадиях их выявления и постановки на государственную охрану.

Вместе с тем необходимо указать на ограничение предложенной типологии: она исходит из аналитического разграничения составов, тогда как в правоприменительной практике единое преступное деяние нередко аккумулирует признаки нескольких классификационных групп. Так, повреждение объекта может выступать способом облегчения хищения, а фальсификация документов — необходимым этапом контрабандного вывоза. Данное обстоятельство обуславливает по-

требность в межсоставном (интегративном) анализе при уголовно-правовой оценке конкретных эпизодов преступного поведения и при совершенствовании соответствующих квалификационных моделей.

Правоприменительная практика по делам о посягательствах на ОКН свидетельствует о том, что центральные затруднения коренятся не в дефиците уголовно-правовых запретов как таковых, а в структурной рассогласованности норм уголовного закона с регуляторными режимами учёта, регистрации и распоряжения охраняемыми объектами. Первый узел противоречий образует неравномерная юридическая определённости статуса объекта охраны: отсутствие либо неполнота актов регистрации права государственной собственности, дефекты документальной фиксации границ и характеристик ОКН порождают квалификационные «серые зоны», в которых сам факт отнесения конкретного участка или находки к охраняемым становится предметом процессуального спора. Подобные пробелы учётно-регистрационных процедур вынуждают сторону обвинения восполнять недостающие формализованные основания посредством экспертных заключений и косвенных доказательств, тогда как сторона защиты получает возможность строить позицию на недоказанности предмета посягательства. Второй узел связан с конкуренцией смежных уголовно-правовых составов: тождественные фактические обстоятельства — характер физического воздействия на объект, способ извлечения имущественной выгоды, стадийность производственных работ — допускают конкурирующие квалификационные интерпретации, следствием чего является неоднородная региональная практика. При разграничении решающее значение приобретают два параметра — точное установление предмета посягательства и объективной стороны деяния, а при их спорности — углублённое исследование субъективной стороны. Третий узел составляют доказательственные трудности, обусловленные многоактностью и полисубъектностью рассматриваемых преступлений: длительный цикл строительных или земляных работ, множественность участников (заказчик, генеральный подрядчик, субподрядные организации, технический надзор), разрыв между принятием управленческого решения и непосредственным причинением вреда приводят к «расщеплению» причинной связи и формы вины на цепочку разнородных действий, что существенно затрудняет уголовно-правовую оценку содеянного.

Наряду с квалификационными и доказательственными проблемами правоприменение выявляет системный дисбаланс между охранительной целью уголовного запрета и экономико-организационными условиями хозяйственно-

го использования ОКН. Действующее законодательство допускает гражданский оборот и хозяйственное освоение отдельных категорий объектов при соблюдении специальных режимов, однако на практике нарушение процедурных требований — порядка согласований, условий проведения экспертиз, содержания охранных обязательств — нередко превращается в единственное «ядро» уголовного дела. Уголовно-правовой запрет тем самым фактически замещает собой административно-регуляторный контроль: вместо раннего предотвращения вреда посредством надзорных предписаний государственная реакция наступает постфактум, когда ущерб уже приобрёл необратимый характер. Указанное обстоятельство обосновывает необходимость смещения акцента уголовной политики в сторону превентивного компонента, что предполагает не столько ужесточение санкций, сколько формирование устойчивых правил учёта, транспарентных реестров и единообразных критериев допустимости вмешательства в материальную ткань памятника [8, с. 159].

Результативность уголовной политики в анализируемой сфере находится в прямой зависимости от качества межведомственного взаимодействия, которое выступает не факультативным, а системообразующим условием охраны ОКН, поскольку криминогенные угрозы формируются на стыке компетенций нескольких отраслевых регуляторов — органов управления в сфере культуры, имущественных отношений, землепользования, таможенного и пограничного контроля, а также правоохранительных структур. Координация необходима, прежде всего, на стадии правового закрепления статуса объекта: процедура регистрации прав на объекты археологического наследия представляет собой многозвенную последовательность действий (информирование уполномоченного органа по управлению имуществом, подача заявления о регистрации, собственно регистрационные действия), каждое из которых предполагает устойчивый канал межведомственного обмена юридически значимыми сведениями. Разрыв любого звена создаёт «окно уязвимости», в пределах которого объект воспринимается потенциальными нарушителями как ресурс, свободный от публично-правовых обременений. На этапе выявления и расследования преступлений межведомственная координация реализуется через согласованные протоколы осмотров и фиксации повреждений с привлечением профильных специалистов (реставраторов, археологов, музейных работников), через оперативный обмен информацией между территориальными органами охраны ОКН и следственными подразделениями, а также через интеграцию ведомственных баз данных — реестров объектов, разрешений на

производство работ, сведений о правообладателях и результатов надзорных проверок [9, с. 290].

Самостоятельным элементом механизма уголовно-правовой охраны культурного наследия выступает участие общественных институтов — профессиональных сообществ, научных и образовательных организаций, музейных ассоциаций, волонтерских объединений, общественных советов при органах охраны. Их вклад реализуется по двум направлениям: снижение латентности посягательств и формирование устойчивой нормативной мотивации к сбережению наследия. Государственный контроль объективно не способен охватить мониторингом всю совокупность охраняемых объектов, и первичный сигнал о нарушении зачастую возникает у местных жителей, краеведов и профильных специалистов раньше, чем у надзорных инстанций. Вместе с тем вовлечение общественности нуждается в процессуально корректных формах: создании понятных каналов обращений, обеспечении правовой защиты заявителей, выработке критериев фильтрации добросовестных сообщений. Не менее значимо профилактическое воздействие, осуществляемое через просветительские программы, повышение правовой грамотности собственников, арендаторов и подрядчиков, разъяснение содержания охранных обязательств и мер ответственности за их нарушение [10, с. 52].

Дальнейшее развитие уголовной политики в области ОКН обусловлено потребностью в одновременном достижении двух взаимосвязанных целей: обеспечения предсказуемости и единообразия квалификации посягательств на охраняемые объекты, а также последовательного перехода от модели постфактум-реагирования к модели раннего предупреждения причинения вреда. Учитывая, что ОКН обладают особой общественной ценностью, не сводимой к имущественному эквиваленту, уголовно-правовой инструментарий нуждается в системной согласованности с административными режимами охраны, градостроительным регулированием и контрольно-надзорной практикой. Исходя из данной посылки, оценка законодательных инициатив должна строиться не по критерию количества вводимых запретов, а по степени устранения правовых лакун, сокращения возможностей обхода охранных требований и обеспечения реального восстановления нарушенных общественных отношений [11, с. 47].

Первоочередным направлением совершенствования выступает уточнение законодательной техники в части разграничения смежных уголовно-правовых составов, предусматривающих ответственность за посягательства на культурные ценности. Действующее регулирование порождает устойчивый риск конкуренции норм в ситуациях, когда объективные признаки деяния

допускают несколько квалификационных интерпретаций, что влечёт неоднородность судебной практики в различных субъектах Российской Федерации. Устранение данного дефекта предполагает нормативное закрепление — на уровне уголовного закона либо разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации — чётких разграничительных критериев по двум основным параметрам. Первый параметр — предмет посягательства, определяемый через принадлежность объекта к соответствующему реестру и наличие установленного охранного статуса. Второй параметр — способ и характер преступного воздействия: уничтожение, повреждение, производство незаконных работ, оборот предметов, полученных в результате посягательства. В пограничных случаях квалификационную неопределённость надлежит преодолевать посредством углублённого исследования субъективной стороны деяния — осознания виновным охранного статуса объекта, целевой направленности действий и мотивации, что позволяет минимизировать ошибки при правовой оценке содеянного.

Самостоятельной задачей реформирования является построение дифференцированной системы ответственности и санкций, адекватно отражающей градацию общественной опасности различных форм посягательств на ОКН. Действующая нормативная модель не в полной мере обеспечивает разграничение между неосторожным повреждением объекта при проведении хозяйственных работ и умышленным разрушением памятника либо систематическим извлечением имущественной выгоды из незаконной деятельности. Перспективной представляется конструкция, при которой дифференциация проводится по совокупности взаимодополняющих критериев: значимость объекта, определяемая уровнем его охранного статуса (федеральный, региональный, муниципальный) и степенью уникальности; характер причинённого вреда, включая необратимость утраты подлинных элементов и стоимость восстановительных работ; способ совершения деяния — использование служебного положения, совершение группой лиц, применение специальных технических средств; тяжесть наступивших последствий — создание реальной угрозы разрушения, причинение крупного ущерба. Подобная дифференциация призвана повысить не только соразмерность наказания, но и генеральный превентивный потенциал уголовно-правовой нормы. Параллельно законодательному ужесточению необходимо развитие восстановительного компонента уголовной политики: расширение практики возложения на виновных обязанностей по восстановлению и консервации повреждённых объектов, привлечение специалистов для оценки нематериальных составляющих ущерба (утрата историче-

ской аутентичности, научной информативности), а также нормативное разграничение уголовно-правовых последствий и гражданско-правового возмещения во избежание ситуаций, при которых формальная денежная компенсация подменяет реальную обязанность восстановить объект.

Наконец, устойчивое развитие уголовной политики в рассматриваемой сфере невозможно без институционального закрепления комплексной превенции, адресованной как потенциальным правонарушителям, так и субъектам, уполномоченным на использование ОКН. Поскольку посягательства на культурное наследие опосредуются факторами «среды риска» — низким уровнем правовой культуры, физической доступностью объектов, слабостью охранных режимов, конфликтом экономических интересов в сфере землепользования и строительства, — профилактическое воздействие должно включать виктимологическую составляющую: выявление объектов с повышенной уязвимостью, обучение собственников и пользователей правилам обращения с охраняемыми объектами, интеграцию основ виктимологии и конфликтологии в образовательные программы, связанные с управлением историко-культурным наследием. Для обеспечения ответственности превентивных мер необходима их институциональная формализация — через установление минимальных стандартов охраны для правообладателей и пользователей ОКН, обязательных процедур уведомления о выявленных угрозах, требований к информированию лиц, осуществляющих работы на территории охранных зон. Вместе с тем усиление уголовно-правовых средств при сохранении неопределённости охранного статуса объектов и непрозрачности административных процедур несёт риск расширительного толкования запретов и необоснованного ограничения законной хозяйственной деятельности. Минимизация данного риска требует сопровождения каждой уголовно-правовой инициативы мерами нормативного уточнения статуса ОКН, цифровизации сведений об охранных обязательствах и разработки верифицируемых методик оценки причинённого вреда, что позволит интегрировать уголовно-правовую охрану в единый межотраслевой контур: точная квалификация — дифференцированная санкция — профилактика уязвимости — восстановление объекта как конечный измеримый результат государственной политики.

Итоги настоящего исследования дают основания утверждать, что действующий механизм уголовно-правового обеспечения сохранности объектов культурного наследия в Российской Федерации не отвечает в полной мере требованиям системности и внутренней согласованности. Выявленные дефекты носят не точечный, а струк-

турный характер и затрагивают три ключевых уровня правового регулирования. На материально-правовом уровне сохраняется рассогласованность уголовных запретов с административно-регистрационными процедурами, определяющими охранный статус объекта: неполнота реестровых записей, отсутствие актов регистрации права публичной собственности и недостаточная документальная фиксация границ и характеристик памятников создают зону правовой неопределённости, препятствующую надлежащей квалификации деяний. На уровне правоприменительной техники не преодолена проблема конкуренции смежных составов преступлений: тождественные фактические обстоятельства посягательства допускают альтернативные квалификационные решения, что влечёт разнородность судебной практики и подрывает принцип правовой определённости. На уровне санкционной политики отсутствует последовательная дифференциация ответственности, способная отразить градацию общественной опасности — от неосторожного повреждения объекта при производстве хозяйственных работ до умышленного уничтожения памятника федерального значения или систематического извлечения имущественной выгоды из незаконного оборота культурных ценностей.

Криминологическая составляющая исследования позволила установить, что посягательства на объекты культурного наследия характеризуются высокой латентностью, полисубъектностью и многоактностью, вследствие чего традиционные модели выявления и расследования преступлений обнаруживают ограниченную эффективность. Причинная связь между действиями конкретного лица и наступившим вредом нередко опосредована цепочкой управленческих решений, подрядных отношений и контрольных процедур, что существенно усложняет доказывание вины и определение пределов уголовной ответственности каждого из соучастников. Преодоление указанных затруднений требует укрепления межведомственной координации на всех стадиях жизненного цикла охраняемого объекта. Органы государственной охраны культурного наследия, правоохранительные структуры, таможенные органы, учреждения культуры и институты гражданского общества должны быть интегрированы в единый информационно-аналитический контур, обеспечивающий оперативный обмен юридически значимыми сведениями — от момента первичного выявления объекта до завершения реставрационных работ и последующего мониторинга его состояния.

Центральным выводом проведённого исследования является положение о том, что результативность государственной уголовной политики в сфере охраны культурного наследия опре-

деляется не интенсивностью репрессии, а способностью правоприменительной системы обеспечить последовательный переход к превентивной модели охраны. Такая модель предполагает раннюю идентификацию криминогенных факторов на основании данных учётных реестров и надзорных проверок; транспарентность и актуальность государственных информационных ресурсов, содержащих сведения об охранных обязательствах и правовом режиме объектов; выработку единообразных экспертно-оценочных критериев определения размера причинённого вреда, включая его нематериальные компоненты — утрату исторической аутентичности, научной информативности, средовой целостности памятника; ориентацию уголовного преследования на реальное восстановление повреждённого объекта как конечную, верифицируемую цель правоприменительной деятельности, а не на формальное назначение наказания.

Итак, достижение обозначенных целей обусловлено рядом взаимосвязанных условий, выходящих за пределы собственно уголовного законодательства. Необходима комплексная модернизация нормативной базы, охватывающая уточнение диспозиций и санкций соответствующих статей Уголовного кодекса Российской Федерации, совершенствование подзаконных актов о порядке учёта и регистрации ОКН, а также принятие методических документов, регламентирующих проведение судебных экспертиз по делам данной категории. Одновременно требуется целенаправленное повышение профессиональной квалификации правоприменителей — следователей, прокуроров, судей — в части понимания специфики культурного наследия как особого объекта уголовно-правовой охраны, не сводимого к стандартным имущественным отношениям. Наконец, долгосрочная устойчивость охранительной политики невозможна без формирования в обществе нетерпимости к любым формам посягательств на национальное культурное достояние, что предполагает институциональное закрепление просветительских программ, развитие механизмов общественного контроля и создание действенных каналов взаимодействия граждан с уполномоченными государственными органами.

Список литературы:

[1] Манапова, А. Ф. Виктимологическая характеристика преступлений против культурных ценностей народов / А. Ф. Манапова // Вестник экономики, управления и права. – 2025. – Т. 18. – № 2. – С. 47-54.

[2] Манапова, А. Ф. Предупреждение преступных посягательств на культурные ценности народов / А. Ф. Манапова // Социальное управление. – 2024. – Т. 6, № 9. – С. 362–367.

[3] Миллеров, Е. В. Вопросы административной и уголовной ответственности в свете усиления государственной политики, направленной на защиту российских традиционных духовно-нравственных ценностей в сфере половых отношений / Е. В. Миллеров, Е. А. Миллерова // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2024. – № 3. – С. 144–154.

[4] Селиверстов, Н. О. Проблемы разграничения статей 243 и 243.4 Уголовного кодекса Российской Федерации / Н. О. Селиверстов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 2 (90). – С. 99–103.

[5] Шапчиц, П. А. Регистрация права государственной собственности на объекты археологического наследия / П. А. Шапчиц // Россия в глобальном мире. – 2024. – Т. 27. – № 2. – С. 47–79.

[6] Корюкова, А. А. Особенности преступлений против культурных ценностей / А. А. Корюкова // Юридический факт. – 2022. – № 184. – С. 29-37.

[7] Бородин, А. В. Субъект преступлений против культурных ценностей по российскому и немецкому уголовному законодательству / А. В. Бородин // Судебная экспертиза и исследования. – 2025. – № 1. – С. 15-18.

[8] Гук, Я. Г. особенности объекта преступлений против культурных ценностей / Я. Г. Гук, Е. А. Попова // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права: теория и практика : Материалы X Международной научно-практической конференции, Тамбов, 16–17 апреля 2021 года / Редколлегия: Э.Ю. Кузьменко, М.И. Кольцов, Е.А. Попова. – Тамбов: Издательский дом "Державинский", 2021. – С. 159-165.

[9] Румянцева, И. В. Хищение культурных ценностей как преступление против мира и безопасности человечества / И. В. Румянцева // Нюрнбергский процесс: история и современность : Сборник материалов научно-практической конференции V Международного научного форума, Ялта, 26–27 ноября 2020 года. – Симферополь: Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2021. – С. 288-291.

[10] Клебанов, Л. Р. Проблемы множественности преступлений против культурных ценностей / Л. Р. Клебанов // Уголовное право. – 2012. – № 2. – С. 51-57.

[11] Манапова, А. Понятие культурных ценностей народов в Российской Федерации / А. Манапова // Юрислингвистика. – 2025. – № 36(47). – С. 45-49.

References:

[1] Manapova, A.F. Victimological characteristics of crimes against cultural values of

peoples/A.F. Manapova // Bulletin of Economics, Management and Law. – 2025. – VOL. 18. – № 2. – S. 47-54.

[2] Manapova, A.F. Prevention of criminal encroachments on the cultural values of peoples/A.F. Manapova // Social management. – 2024. – T. 6, NO. 9. – S. 362-367.

[3] Millerov, E. V. Issues of administrative and criminal liability in the light of strengthening state policy aimed at protecting Russian traditional spiritual and moral values in the field of sexual relations/E. V. Millerov, E. A. Millerova // North Caucasian Legal Bulletin. – 2024. – № 3. – S. 144-154.

[4] Seliverstov, N.O. Problems of delimitation of articles 243 and 243 4 of the Criminal Code of the Russian Federation/N.O. Seliverstov // Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – № 2 (90). – S. 99-103.

[5] Shapchits, P. A. Registration of state ownership of objects of archaeological heritage/P. A. Shapchits // Russia in the global world. – 2024. – VOL. 27. – № 2. – S. 47-79.

[6] Koryukova, A. A. Features of crimes against cultural property/A. A. Koryukov // Legal fact. – 2022. – № 184. – S. 29-37.

[7] Borodin, A.V. Subject of crimes against cultural property under Russian and German criminal

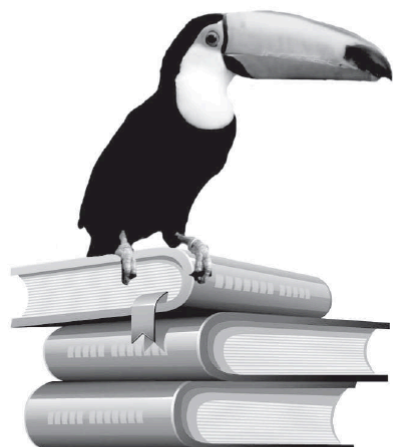
law/A.V. Borodin // Forensic examination and research. – 2025. – № 1. – S. 15-18.

[8] Guk, Ya. G. features of the object of crimes against cultural property/Ya. G. Guk, E. A. Popova // Actual problems of criminal law, criminology, criminal procedure and criminal enforcement law: theory and practice: Materials of the X International Scientific and Practical Conference, Tambov, April 16-17, 2021/Editorial board: E. Yu. Kuzmenko, M. I. Koltsov, E.A. Popova. – Tambov: Publishing house "Derzhavinsky," 2021. – S. 159-165.

[9] Rumyantseva, I.V. Theft of cultural property as a crime against the peace and security of mankind/I.V. Rumyantseva // Nuremberg trials: history and modernity: Collection of materials from the scientific and practical conference of the V International Scientific Forum, Yalta, November 26-27, 2020. – Simferopol: Crimean Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2021. – S. 288-291.

[10] Klebanov, L. R. Problems of the multiplicity of crimes against cultural property/L. R. Klebanov // Criminal law. – 2012. – № 2. – S. 51-57.

[11] Manapova, A. The concept of cultural values of peoples in the Russian Federation/A. Manapova // Jurislinguistics. – 2025. – № 36(47). – S. 45-49.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.